

Листая страницу за страницей, Шу Сюнь все сильнее хмурил крохотные бровки. На нескольких листах подряд громоздились лишь хаотичные, разрозненные слова. Прежде плавный, изящный почерк утратил былую безмятежность: перо ложилось тяжело, местами глубоко царапая и прорывая тонкую бумагу. Сами слова дышали глухой, беспросветной тоской. Пушок никак не мог связать эти безумные каракули с тем человеком, чье тело они нашли на пороге — с мужчиной, который даже в лицо смерти смотрел со спокойным достоинством.

В конце концов, когда Шу Сюнь перевернул очередную страницу, почерк снова стал аккуратным. Слов было немного, но чувствовалось, что их автор наконец-то совладал с собой. На белом листе сиротливо выстроились лишь три слова: «Таблетки гипоксантина».

Шу Сюнь замер в недоумении. Каждое слово в отдельности было ему знакомо, но вместе они превращались в какую-то нечитаемую абракадабру. Его врожденный языковой дар переводил речь, но пасовал перед сугубо научными или медицинскими терминами. И все же это название казалось смутно знакомым, будто он видел его совсем недавно...

Пока малыш напряженно размышлял, земля под его ногами вдруг ушла — он почувствовал, что взмывает в воздух.

Оказалось, что Ецянь уже закончил осматривать вентиляцию и вернулся к костру. Он осторожно поднял черный блокнот вместе с сидящим на нем Шу Сюнем — генерал явно тоже хотел взглянуть на записи.

Шу Сюнь, забавно переставляя коротенькие лапки, отполз в сторону и освободил строчку, чтобы не загораживать обзор.

— Стимулятор, — ровным голосом произнес Ецянь, вчитываясь в текст.

Он вытащил из кармана и протянул Шу Сюню маленький белый флакон. На этикетке красовалось именно то мудреное название.

— Нашел наверху, в ящике прикроватной тумбочки.

Малыш удивленно задрал крошечную головку. Даже без медицинского образования по одному лишь слову «стимулятор» можно было легко догадаться о назначении лекарства.

Шу Сюнь обеими лапками обхватил пузырек. Тот был совсем крошечным, но для такого малютки, как Пушок, все равно оказался тяжеловат. Кое-как устроив флакон на коленях, он принялся изучать мелкий шрифт инструкции. Все подтверждалось: препарат действительно являлся сильнейшим психостимулятором, предназначенным для борьбы с сонливостью. Он возбуждал нервную систему и позволял человеку сутками обходиться без сна.

Шу Сюнь отыскал строчку с дозировкой — сто таблеток в упаковке. Он слегка потряс флакон: внутри что-то сиротливо застучало. Таблеток осталось совсем мало. Малышу очень хотелось открыть крышку, чтобы прикинуть точное количество оставшегося лекарства и понять, как долго владелец дома сидел на стимуляторах.

Он подошел вплотную, обхватил флакон короткими ручками, навалился всем телом и ухватился за крышку. Однако силенок явно не хватало, да и подобраться к упрямому пластику, который был высотой почти с него самого, оказалось той еще задачей. Пушок буквально повис на флаконе, но крышка даже не шелохнулась.

Ецянь с абсолютно непроницаемым лицом протянул руку. Двумя пальцами он обхватил упрямую крышку и без малейшего усилия повернул ее.

Шу Сюнь тут же отцепился от пластика и с самым независимым видом, будто ничего не произошло, заглянул внутрь горлышка флакона.

В чате трансляции тут же оживились:

— Бесполезно притворяться! Я уже записал на видео, как наш Пушок изо всех сил сражался с крышкой! Ха-ха-ха...

— Сюньсюнь у нас, оказывается, тот еще гордец!

— Кажется, история закручивается все сильнее. Тот покойник никак не вяжется с образом человека, сидящего на стимуляторах.

— Наш Бог Ночи, наверное, в душе от смеха катается, пока сохраняет это каменное лицо!

— Может, у автора дневника поехала крыша? Иначе как объяснить эти безумные каракули, гору таблеток и то, с каким ледяным спокойствием он замерз насмерть на пороге?

— Не верю. У человека с такими чистыми глазами не могло быть душевной болезни.

— И еще одна странность. В записях постоянно упоминается некий Цюй Янь, но в самом доме нет ни единого его следа. Где он?

Изначально большинство зрителей в трансляции выбирали режим от первого лица, завязанный на движения Ецяня. Однако с появлением очаровательного Шу Сюня добрая половина переключилась на свободную камеру. В этом режиме можно было самостоятельно выбирать ракурс в определенном радиусе от генерала. Так что когда Пушок принялся изучать блокнот, зрители тоже смогли прочесть таинственные записи.

Пересчитав таблетки, Шу Сюнь тихонько вздохнул: их оставалось от силы штук пять. Он забрал крышку из рук Ецяня, намереваясь закрыть флакон. Тот послушно придержал пластиковое донышко, и на этот раз малыш, приподнявшись на цыпочки, легко завинтил крышку обратно.

Ецянь уселся по-турецки, уложив блокнот на колени, чтобы читать вместе. Шу Сюнь подошел к краю переплета, ловко взобрался к нему на бедро и, устроившись поудобнее, потянулся пухлой ручкой к следующему листу.

Между этой записью и предыдущей хаотичной страницей прошло всего три дня. Судя по всему, за это время хозяин дома полностью пришел в себя. Почерк вновь дышал умиротворением. Цин Мо писал о какой-то суетной мелочи: они с Цюй Янем завели кролика и назвали его Мылом. Внизу страницы красовался изящный набросок карандашом — крохотный, только что родившийся пушистый комочек выглядел на бумаге на удивление живым и трогательным.

При виде рисунка Шу Сюнь невольно вспомнил того странного красноглазого кролика, который внезапно исчез без следа. Впрочем, набросок в дневнике мало походил на ту жутковатую тварь, да и запись была сделана больше года назад. Сопоставить эти детали и прийти к какому-то выводу пока не получалось.

Пушок сидел смирно, ожидая, когда Ецянь перевернет лист, но тот не двигался. Шу Сюнь задрал голову, однако снизу ему был виден лишь волевой упрямый подбородок генерала. Подождав еще немного, малыш сам протянул лапку и перевернул страницу. Ецянь снова никак не отреагировал, и Шу Сюнь наконец понял: мужчина просто терпеливо ждет, пока он дочитает.

В чате тем временем продолжали умиляться:

— Ецянь безжалостно эксплуатирует детский труд! Заставил такую кроху листать ему книгу!

— Да нет же, он просто не знает, с какой скоростью читает наш Пушок, вот и предоставил ему право рулить процессом.

— Боже, какая же это милая картина... У меня сейчас сердце растопится.

— Тоже хочу себе такого Пушка, чтобы он каждый день листал мне книжки!

В мягком янтарном полумраке у костра Ецянь сидел неподвижно, опустив взгляд на раскрытый блокнот. На его бедре примостился крошечный Пушок. Склонив круглую головку, он с самым серьезным видом вчитывался в строчки и время от времени аккуратно переворачивал страницы коротенькой ручкой. Вокруг царило уютное молчание, полное удивительной теплоты и согласия.

Шу Сюнь перелистнул еще с десяток страниц. Жизнь Цин Мо, судя по всему, вернулась в

мирное русло. Записи вновь наполнились повседневным домашним теплом: забота о подрастающем Мыле, обычная работа, тихие вечера вдвоем с Цюй Янем... Каждое, даже самое пустяковое событие, оставленное на бумаге, дышало тихим, размеренным счастьем.

Так продолжалось до тех пор, пока в один из дней в правом верхнем углу страницы рядом с датой не появилась отметка о температуре. С каждым новым листком цифры неуклонно ползли вниз. Столбик термометра все еще держался выше нуля, но для этого времени года погода была пугающе холодной. Цин Мо тоже почуял неладное: на страницах замелькали встревоженные вопросы, на которые у обычного человека просто не могло быть ответов.

Шу Сюнь перевернул еще несколько страниц. Внезапно его взгляд зацепился за жирно обведенную рамку в углу очередного листа. Температура рухнула разом: минус сорок два градуса!

Сердце малыша тревожно екнуло. Он понял, что держит в руках хронику самого первого дня, когда на этот мир опустилась вечная стужа. Строк было совсем немного — из-за пронизывающего холода буквы выходили неровными, корявыми, но в них сквозило глубокое, растерянное недоумение:

«3 сентября, минус 42°C. Утром проснулись от жуткого холода. В начале осени температура мгновенно рухнула на сорок градусов с лишним, в это просто невозможно поверить. Все работы в городе остановлены, на улицу выйти невозможно. Мы с Цюй Янем весь день просидели дома. Надеемся, завтра потеплеет или хотя бы появятся какие-то новости».

Шу Сюнь дочитал и бережно перевернул страницу. Перед глазами запестрели новые тревожные даты.

«4 сентября, минус 44°C. Похоже, становится только хуже. Никаких новостей из города. Электроника отказывает, связь с внешним миром полностью оборвалась».

«6 сентября, минус 47°C. Всю ночь валил жуткий снегопад. Озеро Вэй затянулось льдом».

«16 сентября, минус 47°C. Запасы продуктов на исходе. Соседи приходили просить еды — судя по всему, у всех дела плохи. Цюй Янь хочет попытаться прорваться к городу».

«18 сентября, минус 48°C. Мыло пропал! Цюй Янь рвется наружу, за помощью, а я не хочу уходить».

«19 сентября, минус 47°C. Нашел у порога шкурку Мыла... Его съел кто-то из голодающих соседей. Я похоронил остатки. Цюй Янь окончательно решил уходить. Но я останусь здесь».

«1 октября, минус 44°C. Цюй Янь ушел. Вместе с ним покинули свои дома последние жители у озера Вэй».

«2 октября, минус 46°C. Опять повалил снег. За окном — мертвая пустота, ни единой души».

«10 октября, минус 49°C. Десять дней, как ушел Цюй Янь. Ни весточки. Когда же он вернется?»

«15 октября, минус 50°C. На севере, прямо в небе, будто порхают нежно-голубые бабочки... Наверное, это галлюцинации из-за недосыпа. Или побочный эффект таблеток. Но я боюсь засыпать».

«16 октября, минус 70°C. Невыносимо холодно. Вчерашний лунный свет казался пронзительно-синим. Может, термометр сломался? Как я вообще еще жив при такой стуже? Цюй Янь, почему ты не возвращаешься?»

«24 октября, минус 53°C. Еда закончилась. Осталась последняя консервная банка. Я обошел соседние дома... Там пусто. Все исчезли. Даже те немногие, кто, как и я, отказывался уходить. Должно быть, они тоже ушли в город? Да, наверняка! Я не виноват, что остался. Цюй Янь...»

«30 октября, минус 56°C. Таблетки на исходе. Я снова видел тех синих бабочек. Кажется, я скоро умру. Цюй Янь...»

«1 ноября, минус 80°C. Температура снова упала. Даже внутри дома лютый холод. Цюй Янь, ты уже близко?»

«3 ноября, минус 71°C. Я решил ждать его у дверей. Так я сразу увижу его, как только он покажется на тропинке. И он тоже сразу увидит меня. Цюй Янь...»

На этом записи обрывались. Шу Сюнь сидел на коленях Ецяня, потрясенный до глубины души. В груди разлилась щемящая, невыносимая тоска. Но страшнее всего было осознание того, что он уже знал финал этой трагической повести. Цин Мо так и не дождался своего любимого.

— Где же сейчас Цюй Янь?.. — тихо спросил Шу Сюнь, и в его больших глазах заблестели слезы.

Ответа на этот вопрос не было. Ецянь промолчал, но оба они прекрасно понимали: если в тот момент, когда мир захлестнуло смертоносное голубое сияние, Цюй Янь все еще пробивался сквозь ледяную пустыню, шансов выжить у него не оставалось.